

НИКИТА МИХАЛКОВ

и *Свой* ПРЕДСТАВЛЯЮТ

ВЕЛИЧИЕ
ДЕРЖАВЫ-
ИХ
ЗАСЛУГА

ГЕРОИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Сергей Александрович Громов
Величие державы – их заслуга.
Герои русской истории
Серия «Никита Михалков
и Свой представляют»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71279242
Величие державы – их заслуга. Герои русской истории:
ISBN 978-5-00222-608-5*

Аннотация

Очередной сборник книжной серии «Никита Михалков и Свой представляют» посвящен тем, чьи имена и заслуги в России очень хорошо известны. В честь этих людей называли населенные пункты, улицы, проспекты, организации, учреждения, библиотеки, фестивали, конкурсы (а в честь упоминаемых здесь русских святых строили по всей стране храмы)...

О них рассказывается в школьных и вузовских учебниках, энциклопедиях, авторитетных биографических изданиях.

И тем не менее составители данного тома гарантируют: многое из того, на что указывают наши авторы в своих статьях, неизвестно даже самым эрудированным знатокам отечественной

истории. Не верите? Проверьте, внимательно прочитав «Краткий курс...» от начала и до конца.

Содержание

От составителей	6
Часть первая	10
Купель державы. Владимир Святославич и крещение Руси	10
По вождю и шапка. Что сделал для своей страны Владимир Мономах	20
Под высоким покровительством. Князь Андрей Боголюбский и Покров Пресвятой Богородицы	31
Великое восхождение. Святой благоверный князь Александр Невский	42
Дары преподобного Сергия	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Величие державы – их заслуга Герои русской истории

© Громов С., авт. – сост. 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

От составителей

Дорогие читатели, книга, которую вы держите в руках – даже не краткий, а очень краткий курс русской истории. Формат издания, входящего в серию «Никита Михалков и Свой представляют», не позволяет собрать в один том статьи обо всех, кто составил славу России. Тут нет рассказов о выдающихся людях советской эпохи, об основоположниках и гениях национальной культуры (литературы, философии, музыки, театра, кино, изобразительного искусства) – о тех, кому уже посвящены или следует посвятить в обозримом будущем отдельные тома. Также мы не включили в это издание журнальные материалы о царях Дома Романовых – по той же причине, о них, если Бог даст, расскажет другая книга данной серии.

В остальном сборник вполне соответствует уровню качественной популярной историко-публицистической литературы.

Собранные здесь статьи весьма разнообразны. Одни написаны в духе емких учебно-биографических пособий («родился, женился, выучился, приступил к работе...»), другие затрагивают те или иные аспекты деятельности исторических персон, третьи сфокусированы на важнейших событиях из истории страны.

К примеру, великий полководец Александр Невский

предстает перед читателями как образцовый христианин, настоящий русский святой. Иван Грозный представлен не столько в качестве жестокого и решительного завоевателя Казани, сколько в образе мудрого, гуманного миротворца (и в такой подаче нет никакой фальши, Иван Васильевич действительно являл своим современникам удивительно разные черты сложной, противоречивой натуры). Вот как описывает ключевой момент знаменитого похода автор статьи «Не земной славы ради», известный писатель Валерий Шамбаров:

«Иван IV въехал в город на следующий день. Его встретили массы русских людей, до сих пор остававшихся в неволе. Государь велел разместить их в лагере, кормить с царского стола. Над грудами убитых плакал, про соплеменников говорил, что они как страдалыцы пали за веру и Россию, про казанцев же сказал: «Они не христиане, но подобные нам люди». Все трофеи отдал воинам, пояснив: «Моя корысть есть спокойствие и честь России».

О непобедимом Суворове в очерке «Последний триумф» также рассказывается как о глубоко религиозном человеке: «Подчиненных он учил тому же – доверяться Господу. «Молись Богу, от Него победа!» «Бог нас водит, Он наш генерал!» Веру считал важнейшим боевым фактором. Говорил: «Безверное войско учить – что перегорелое железо точить». В тетради «капральских бесед» привел краткую, но емкую молитву Пресвятой Богородице, святителю Николаю Чудотворцу и строго наставлял: «Без сей молитвы оружия не об-

нажай, ружья не заряжай, ничего не начинай!», «Один десятерых своею силою не одолеешь, помощь Божия нужна! Она в присяге: будешь богатырь в бою, хоть овцой в дому; а овцой в дому так и останешься, чтобы не возгордился...».

А вот какие факты из жизни блистательного пионера отечественной науки приводит Евгений Тростин: «В 1751 году на публичном собрании академии он утверждал: «Я не токмо в разных авторах усмотрел, но и собственным искусством удостоверен, что химические эксперименты, будучи соединены с физическими, особливые действия показывают». Едва ли не каждое слово той лекции – новаторское. Михайло Ломоносов стал читать студентам курс по «истинной физической химии», сопровождая его демонстрационными опытами. Позже на эти прозрения опирался основоположник химической физики, нобелевский лауреат Николай Семенов... В декабре 1759-го опытным путем ему (Ломоносову) удалось получить ртуть в твердом состоянии, а также доказать электропроводность и ковкость испытуемого вещества. Именно поэтому больше века спустя в Периодической системе элементов Менделеева оно было отнесено к металлам».

Эта книга может стать хорошим подспорьем для учащихся школ, училищ, вузов, наверняка будет интересна любителям популярной исторической литературы, послужит качественным справочным материалом для лекторов, политиков, политологов, культурологов, журналистов.

Приятного чтения!

Часть первая

Святые, правители, полководцы

Купель державы. Владимир Святославич и крещение Руси *Валерий Хмельницкий*

Условный портрет Владимира Святославича из Царского титулярника 1672 года, Государственный исторический музей, Москва

Крещение пришло на Русь через Крым. Случайно ли? Во-все нет. В столь важных вехах и процессах случайностей не бывает. Именно в этот благодатный край некогда прибыл со своей исторической миссией святой апостол Андрей Первозванный. Он обратил в Христову веру первых людей на будущей русской земле. Основал в Херсонесе, именуемом в наших летописях Корсунью, первую христианскую церковь.

По одному из преданий, св. Андрей через Днепр попал на Волхов. «Повесть временных лет» среди прочего донесла рассказ о том, как он удивился обычаю новгородцев париться в бане. Якобы оттуда через Балтику апостол вернулся в Рим и в Патрах принял мученический венец на косм Андреевском кресте. Обычно эту историю воспринимают скептически. Но в ней как минимум нет ничего невероятного. С одной стороны, рядом с Херсонесом находился Неаполь-Скифский – тоже Новгород, и парные бани там в то время имелись. С другой – дорога по Днепру и Волхову уже действовала. А от Балтийского моря пролегал Янтарный путь в Италию.

Община, созданная св. Андреем в Крыму, не распалась. На здешнюю окраину Римской империи ссылали тех, кто считался среди римлян преступником. В том числе христи-

ан. Император Домициан отправил в Херсонес свою двоюродную сестру, христианку Домитиллу. Траян – римского епископа св. Климента. Тот продолжал проповедовать, и его утопили, привязав к якорю. Молитвы мучеников, исповедников как бы готовили будущую купель для Руси. Наполняли ее благодатью.

Мощи св. Климента обрели в 861 году братья-просветители Кирилл и Мефодий, также побывавшие в Херсонесе. И как раз здесь св. Кирилл увидел Евангелие и Псалтирь, написанные «русьскими письмены». Общался с хозяином книг, христианином-русичем. Мы не знаем, какой из алфавитов при их написании использовался, однако вряд ли ошибемся, предположив: этот алфавит послужил основой для разработки славянской грамоты. Случайно ли совпадение?

Задолго до св. Владимира русичи тянулись к христианству. И уже в те времена их было немало среди обитателей Крыма. Это подтверждается археологией и письменными источниками. Население на полуострове издревле смешивалось. Славяне селились рядом с греками, вступали в браки друг с другом.

В 960-х византийский топарх (начальник провинции) жаловался, что большинство его подчиненных «жило по обычаям варваров». При нашествии русичей (предположительно, отрядов Святослава) «города и народы добровольно к ним присоединялись». Даже местная знать отказалась слушаться топарха, единогласно постановив покориться киевскому

князю.

На Руси попытки внедрения христианства предпринимались при Аскольде и Дире, при св. Ольге, хотя истинная вера оставалась достоянием немногих. Русь представляла собой непрочную связку славянских и финских племен, то и дело разваливалась в усобицах. Так было после смерти Вещего Олега, Игоря, Святослава. Князь Владимир в очередной раз собрал ее воедино. Племена повиновались ему, но оставались обособленными. Где гарантия того, что построенная держава снова не рассыплется? Чтобы прочно спаять ее, одной власти государя было недостаточно. Для этого требовалось нечто большее. Общие ценности, общее мировоззрение. Вера...

Причем совсем не те верования, что учили прыгать через костры, резать перед идолами жертвенных животных, а то и людей. Все это было не настоящее, не существенное. Подлинная вера неизмеримо выше, чище, величественнее.

Летопись рассказывает, будто к Владимиру приходили проповедники – мусульмане, иудеи, латиняне, греки. Объясняли преимущества своих религий, а государь выбирал. Потом отправил посольство по разным странам: проверить, чья вера лучше. Воспринимать буквально эту историю, наверное, не следует. Литературный прием, «бродячий сюжет». Он встречается в преданиях многих народов, чтобы объяснить, почему была принята та религия, а не иная.

Владимиру не требовалось созывать мудрецов. С мусуль-

манами он общался во время похода в Волжскую Болгарию. С иудеями имел дело и в Киеве, и в Тмутаракани. В христианскую церковь его водила бабушка, св. Ольга. Христианками были четыре его жены, причем две принадлежали к Восточной Церкви, а две – к Западной. Князь знал особенности их богослужения.

Собственно, выбора не было. Вера – не товар. Ее не покупают, как на базаре, торгуясь и прицениваясь. Принимают не со счетами в руках, а душой и сердцем. Авторы XI века русский митрополит Иларион и Иаков Мних были по времени гораздо ближе к Владимиру, нежели летописец Нестор. Оба свидетельствовали: «Без всех сих притече ко Христу, токмо от благого смысла и разумения». Без миссионеров и уговоров – своей волей. Господь Сам открылся князю в душе, и Владимир принял Его, «притече ко Христу». Как раз поэтому св. Владимира, как и св. Ольгу, Церковь признала равноапостольными.

Однако перед государем встал тогда серьезнейший практический вопрос. Откуда принимать крещение? Номинально Церковь еще считалась единой, но Западная и Восточная ее ветви все сильнее расходились. В 967 году римский папа Иоанн XIII издал буллу, подтвердившую запрет богослужения на славянском языке. Такая церковь для нашей страны абсолютно не подходила.

С Византией отношения тоже были непростыми. Она крайне высокомерно вела себя перед окружающими народа-

ми, видела в них не иначе как «грязных скифов», «варваров». Кроме того, по правовым нормам той эпохи принятие крещения от Константинопольской патриархии означало не только духовную, но и политическую зависимость от империи. Например, при крещении Болгарии греки настолько активно силились подмять страну, что св. царь Борис даже метнулся к римскому папе, лишь бы отделить свою церковь от византийской. Судя по всему, эти же особенности греческой политики оттолкнули и св. княгиню Ольгу от сближения с Константинополем.

Ее внук пришел к выводу, что сближаться все-таки нужно. Но необходимо вывести отношения Византии и Руси на иной уровень. Заставить империю считаться с нашей страной на равных! Для этого как раз выдался благоприятный момент. Византия потерпела поражения от немцев и болгар, а в 986-м против царей Василия и Константина восстал их военачальник Варда Склир. Провозгласил себя императором. Против него направили другого популярного полководца, Варду Фоку. Склира он одолел, но после этого объявил императором... себя. Его армия двинулась на Константинополь и вышла на азиатский берег Босфора – столица лежала напротив, отделенная только проливом.

И вот тут-то к царям Василию и Константину прибыло русское посольство. Владимир предлагал дружбу, выражал желание креститься. Но выдвинул требование – выдать за него греческую царевну Анну. С точки зрения византийцев,

это была неслыханная дерзость. В их политических наставлениях особо предостерегалось: императорам ни в коем случае нельзя родниться с другими монархами, чтобы те не поставили себя на равную ногу с владыками империи.

Анна являлась младшей сестрой Василия и Константина. Германский император Оттон пробовал сосватать ее за сына. И получил грубый, оскорбительный отказ. Ему ответили, что он «король варваров», а «рожденная в пурпуре» не может быть «женой варвара». Потом Константинополь плел интриги против болгар, и Анну обещали выдать за их царя Бориса II. Жениха обманули, захватили в плен. Руку царевны выпрашивал для сына и король Франции Гуго Капет. Владимир выступил еще одним претендентом. Ситуация для византийцев была критической. Приходилось цепляться за любой шанс. Василий и Константин подписали договор с русским князем. Тот немедленно прислал корпус из 6000 отборных воинов, которые неожиданно высадились под Хризополем (Скутари), погромили лагерь Варды Фоки и заставили его отступить от Константинополя. Однако византийцы, верные своим политическим традициям, вопрос о браке задумали спустить на тормозах. Опасность ведь миновала. Имело ли смысл держать слово, данное «скифу»? Великий князь отправился к днепровским порогам встретить невесту, а ее не прислали...

Интересы государства Владимир готов был отстаивать жестко. В 988 году поднял войска. Русский флот подошел к

Херсонесу. Крепость считалась мощнейшей. Еще никто не брал ее штурмом. Но правитель Руси обложил город с суши и с моря. Приказал насыпать высокий вал, чтобы с его гребня взойти на стены. Горожанам объяснил, что будет стоять хоть три года, но Херсонес возьмет. Столь серьезных усилий и жертв не потребовалось. Ведь крымчане жили по соседству с Русью, перемешались со славянами. Владимир, наметая цель военной операции, учитывал отношение местных жителей к нашей стране. В результате все разыгралось как по нотам. Священник Анастас Корсунянин перебросил из крепости записку, указал, где проходят водопроводы. Их перекрыли, и город получил весомую причину капитулировать без боя...

Пришлось византийским царям исполнять договор. Анна, несостоявшаяся невеста трех монархов, была по натуре истинной ромейкой (римлянкой – как называли себя византийцы). В возрасте 25 лет оставалась в девицах. Сидела взаперти во дворце, но отъезд к «варварам» восприняла как трагедию. Рыдала, причитая, что ее «заживо хоронят». Девушку утешали, уверяли, что она жертвует собой ради империи: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны».

В Херсонесе же царил праздник. Анну встречали жених, войско, горожане. Перед венчанием великий князь и его армия приняли святое крещение. В Крымской купели удостоились благословения св. апостола Андрея Первозванного, св.

Климента, св. братьев Кирилла и Мефодия. Как бы подхватили от них по цепочке христианскую благодать. Сам город государь вернул грекам – в знак благодарности за невесту. Но забрал «святые иконы, и честные кресты, и священные сосуды церковные, и прочую священную утварь, и святые книги». Обеспечил ими зарождавшуюся Русскую церковь.

В свите Анны прибыла большая группа «царевниных» священников. Разумеется, они были не случайными людьми. Их специально готовили, чтобы через церковь регулировать политику князя, подчинять его земли византийскому влиянию. Владимир об этом, без сомнения, догадывался. Он переиграл Константинополь. Взял с собой многих священников и диаконов непосредственно из Херсонеса. Рассудил, что они-то будут служить честно. Многие симпатизировали русичам, знали их язык. Словом, государь четко разграничил: вера – это одно, а реальная политика – увольте, совсем другое.

Когорта крымских священнослужителей помогла Владимиру сразу же организовать обращение подданных в Христову веру. По возвращении домой он немедленно разрушил столичное капище. А на 1 августа 988-го назначил крещение Киева. Не все русичи были готовы стать христианами. Но этот акт нельзя назвать и насильственным. Владимир, поднявший Русь и одолевший всех ее врагов, приобрел высочайший авторитет в народе. Если уж такой властитель обратился к христианскому Богу, может ли он ошибаться?.. У Днепра

собрались жители столицы, гости, приезжие. Толпами входили в воду. Вдоль реки цепочкой стояли священники, совершали таинство крещения, а Владимир молился на берегу: «Творец Неба и земли! Благослови сих новых чад Твоих...» Летопись сообщает: «В сей день великий земля и Небо ликovali». Язычники становились христианами.

И не только христианами. В купель входили поляне, северяне, кривичи, древляне и – переставали ими быть. Ведь, по языческим понятиям, полянином являлся лишь тот, кто отправлял родовые культы полян, северянином – исполнявший обряды северян. Люди, выходившие из купели, порывали со старыми верованиями. Отныне они принадлежали к другой общности – русской. Из разнородных племен рождался новый народ.

**По вождю и шапка. Что сделал для
своей страны Владимир Мономах**
Евгений Алдонин

Великий князь Владимир II Всеволодович Мономах. Портрет из Царского титулярника 1672 года, Государственный исторический музей, Москва

Его имя в отечественной истории стало символом мудрости и решительности. Он приостановил кровавую распря князей, положил конец половецкой угрозе, адресовал своим современникам и потомкам чрезвычайно ценные, исполненные главных христианских добродетелей наставления. Когда империя наследников Чингисхана разоряла нашу страну, летописцы вспоминали об этом великом правителе и, несмотря ни на что, верили: Русь непременно возродится.

Бремя раздробленности

Автор «Слова о погибели Русской земли», как видно, с затаенной надеждой на лучшее будущее, писал: «Половцы своих малых детей его именем пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко – за синим морем».

Основные памятные даты, связанные с жизнью и деятельностью Владимира Мономаха, приходятся на последний весенний месяц: 965 лет назад он родился, через 60 лет всту-

пил на Киевский великокняжеский престол, а спустя еще 12 лет покинул сей мир.

В летописях за ним закрепился образ идеального правителя, образцового христианина: «Украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался». Для многих поколений русских людей Владимир Мономах был примером воинской доблести и политической прозорливости.

Первую победу над половцами князь одержал в юном возрасте, а в последний раз вел рать соплеменников, когда ему было за семьдесят. По тем временам – глубокий старик. Однако он по-прежнему прямо сидел в седле и, если требовалось, размашистым движением доставал меч из ножен. Внук Ярослава Мудрого, а по материнской линии – византийского императора Константина Мономаха – к киевскому престолу он шел очень долго.

Его политическая молодость проходила на берегу озера Неро, в Ростове Великом. Там Владимир правил еще будучи юношей. Потом отец, Всеволод Ярославич, занял Киевский престол, и 25-летний сын получил в княжение Чернигов, один из самых крупных городов страны, древний племенной центр славян-северян.

После смерти родителя он принял одно из важнейших решений в своей жизни – отказался от борьбы за Киев: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». Владимир Всеволо-

дович предпочел накапливать силы, не раздвигая Русь братоубийственными войнами. Его собственная власть простиралась довольно далеко – до Смоленска и Ростова. Правда, за Чернигов приходилось бороться, междоусобная брань не прекращалась.

Потом Мономах долго княжил в Переяславле, пережившем при нем период расцвета. Монолитной и сплоченной Киевской Руси в то время уже не существовало. Род Рюриковичей не выпускал из рук власть над уделами, однако мира-лада между представителями династии не было. Сложная система наследования превращала родственников в злейших врагов. Историки находят у раздробленности и положительные стороны: в каждом небольшом городе владетель-князь сколачивал дружину, учреждал администрацию, строил каменный храм и укрепления.

Поселения по отдельности развивались, чего не скажешь о расколотой стране. Ее правители не только не могли предпринимать масштабных, дальних походов, но и демонстрировали уязвимость собственных владений перед наплывом кочевников. Некогда Владимир Креститель полагал, что христианская церковь сумеет объединить огромное государство. Увы, эти надежды не оправдались. Даже для борьбы с агрессорами – иноверцами не удавалось примирить честолюбивых князей. Киевский престол постепенно утрачивал первостепенное значение, хотя за него по-прежнему ожесточенно боролись.

Как съезд решил

Черниговское и Переяславское княжества граничили с половецкими кочевьями, и Мономах стал грозой воинственных орд. Чтобы побеждать, следовало научиться заключать союзы с другими власть имущими. Владимир проявил себя как цепкий дипломат задолго до того, как получил престол в Киеве. Он подал идею княжеских съездов. Родичи прекращали вражду, собирались для переговоров. Зачинщиков кровопролитных распрей наказывали (как правило, переводили править в менее важный город). Съезжаясь, Рюриковичи обсуждали национальную политику, планировали совместные походы против половцев. Но каждый раз после такого «саммита» в Киев приезжали половецкие послы с дарами, и Святополк отказывался от участия в общем деле.

Лишь один Мономах оставался непоколебимым, требовал: нужно отучить кочевников нападать на наши земли. В 1103 году, после очередного грабительского набега, завершившегося уводом в степь тысяч невольников, русские военачальники съехались к Долобскому озеру, где договорились наконец о совместном выступлении против недругов.

Владимир Всеволодович настаивал на немедленном весеннем походе, пока половцы еще не вышли на летние пастбища, не накормили вволю своих коней. Все князья, кроме Олега Черниговского (тот был в сговоре с неприятелем), под-

держали идею Мономаха, и по весне многотысячная дружина двинулась на юго-восток. Первыми шли летучие отряды разведчиков. За ними – основная конница и пехота. Киевский правитель Святополк Изяславович доверился военному опыту родственника-инициатора и не прогадал.

Решающая битва произошла 4 апреля близ урочища Сутень, неподалеку от Азовского побережья. На стороне врага сражались двадцать ханов с отборной конницей. Летописец отмечал: «И двинулись полки половецкие как лес, конца им не было видно. И Русь пошла им навстречу». Расчет Мономаха оправдался: на истомленных долгой зимой конях кочевники не сумели стремительно атаковать. Наши дружины вклинились в половецкую орду и рассеяли конников противника. Больше десятка ханов погибли, а высокородный Белдюзь попал в плен. Он посулил за свою свободу огромный выкуп. Владимир в ответ резонно заметил: пленник всего лишь обещает вернуть награбленное. И приказал – в назидание другим – Белдюзя зарубить.

Русские прошли по половецким селениям, освобождая невольников. Домой вернулись с богатой добычей, отогнали к родным полям табуны коней, стада коров. Эта победа запомнилась степнякам надолго. Они присмирели, уже не претендовали на дань, стремились к союзу с северными соседями. И на Руси очень многие поняли, что значит единство. Если бы не тот ратный успех – возможно, половцы сыграли бы в нашей истории самую роковую роль. В 1237 году, когда

на Рязань и Владимир двинулись тумены Батые, у нас, увы, не нашлось нового Мономаха.

«Страх Божий имейте превыше всего»

На великокняжеский престол его призвали во время острейшего политического кризиса, суть которого легко понять и в XXI столетии. В Киеве царили ростовщики, бравшие с заемщиков грабительский процент. Управы на этих воротил не было — им покровительствовал Святополк. Про него Василий Татищев в свое время писал: «Был вельми сребролюбив и скуп». Сотни семей разорились от такой финансовой удавки. Когда правитель то ли умер, то ли погиб, началось народное восстание против чиновников и ростовщиков. Тут-то бояре и позвали самого мудрого и удачливого из Рюриковичей. И шестидесятилетнему политику удалось на полтора десятилетия возродить Киевскую Русь. Первым делом он приказал снизить в десять раз долговой процент. Восстание утихло, а удельные князья быстро почувствовали сильную руку «первого среди равных». В большой стране воцарился порядок.

Мономах слыл книгочеем. Эту страсть он унаследовал от отца. Хитроумный князь лучше других родичей понимал значение культуры, просвещения и... пропаганды. Покровительствовал летописцам, учителям, проповедникам. И, скорее всего, вместе с ними создавал собственный образ для ис-

тории. Как истинный стратег, он не жил одним днем. Репутация, которая останется в веках, была важнее кратковременного успеха, ветреной удачи и богатой добычи. Его политический стиль – это крепкая рука, просвещенный ум, патристический настрой – все то, чего не хватало другим князьям того времени.

Мудрец на троне, он оставил нам свое «Поучение» – свод текстов, выдающих тонкого знатока человеческой натуры, психолога и философа: «Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком – то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего».

Учил не только воинским доблестям и политическим премудростям. Победы приходят к тем, кто во главу угла ставит дисциплину: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью;

сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лени: внезапно ведь человек погибает».

Умеренность в страстях позволила ему и на седьмом десятке не выпускать из рук державу. Полвека он провел в походах, в броне, с обоюдоострым мечом в руке. Давно умерли воеводы, которые были его соратниками в первых сражениях, а он оставался в седле.

На склоне лет принял участие в странной войне, развязанной авантюристом, выдававшим себя за сына византийского императора Романа IV, Льва Диогена (давно убитого). В истории он остался как Лжедиоген Второй. Великий князь увидел в подобных обстоятельствах шанс укрепить авторитет Руси, выдал за самозванца дочь Марию, собрал большое войско и направил его завоевывать царьградский престол для зятя. К этой армии примкнули и половцы – сказались дипломатические усилия Мономаха. Отряды двинулись на Дунай и быстро захватили часть Болгарии, угрожая Константинополю. Заняли и город Доростол. Там Лжедиогена настигли убийцы, подосланные императором Алексеем. Владимир Всеволодович остался без выгодного зятя. Но война на этом не закончилась. Теперь русские и половцы хотели посадить на греческий престол сына самозванца, Василия.

Сам Владимир остался в Киеве, а ратью командовал воевода Иван Войтишич. Князь наказал ему ставить посадни-

ков в занятых городах. И тем не менее поход вскоре захлебнулся. Мономах начал вести переговоры с византийцами. А последние убедились: русский правитель обладает мощной армией и умеет вести самостоятельную политику.

Сохранилась легенда, что после заключения мира ромеи послали в Киев великое посольство с дарами, среди которых переливались золотом скипетр и царский венец. Последний с тех пор традиционно величают на Руси шапкой Мономаха. Но это вымысел. Мономаховой ее впервые назвали в начале XVI века. Сим подчеркивали свое родство с непобедимым правителем великие князья и государи московские. Зато явью была дипломатическая победа. После переговоров внушка Владимира Всеволодовича Добродея (в крещении – Евпраксия) стала женой византийского императора Алексея. Говорят, она с юности увлекалась врачеванием, разбиралась в лечебных травах и даже написала в Византии целый трактат о медицинских мазях. В общем, даже странная война добавила Мономаху славы.

В те времена на Руси уважали благородную старость, и подданные считали седобородого князя почти божеством. Все привыкли к его победам, мудрой рассудительности. Лишь одно оказалось ему не по силам: он не сумел изменить систему власти в стране. Почти построил мощное, единое государство, способное навязать свою волю агрессивным соседям, но... Предпосылки к новым междоусобицам не исчезли. Оказалось, что кратковременное возрождение Киевской

Руси держалось лишь стараниями даровитого князя. Каждый потомок Рюрика стремился к никем не ограниченной власти. Идея единой русской земли брезжила только в сознании самых дальновидных и просвещенных.

**Под высоким покровительством.
Князь Андрей Боголюбский и
Покров Пресвятой Богородицы
*Валерий Шамбаров***

Покров. Святой князь Андрей Боголюбский. Вторая половина XVIII в. (ок. 1767 г.). (из коллекции Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника)

Покров Пресвятой Богородицы – самый что ни на есть русский праздник. Нигде этому торжеству не придают такого значения, как у нас. Ни в одной стране мира нет Покровских храмов, сопоставимых по своей культурно-исторической ценности с нашими архитектурными шедеврами вроде церкви Покрова на Нерли или Покрова на Рву, известного как собор Василия Блаженного. Мать Божия и связанные с Ней чудеса почитаются христианами на всей планете, однако и в этом смысле Русь-Россия претендует на исключительную роль.

В давние времена, предположительно в IX–X веках, в Константинополе жил раб-славянин Андрей. В своей горячей и искренней вере он принял подвиг юродства. Смирено переносил голод, холод, унижения, насмешки, и Господь многое открывал ему, сподобил при жизни побывать в Царствии Небесном. А однажды город осадили враги. Жители в отчаянии собрались во Влахернском храме, молили о спасении. Блаженному Андрею дано было увидеть, как из Царских врат по воздуху вышла Сама Мать Божия в сопровождении ангелов и святых, распростерла над молящимися

свой головной покров, омофор, обещая защиту. И действительно, враги вскоре отступили.

Предание это греческое. А какие неприятели в тот раз угрожали Константинополю, оно умалчивает. Арабы? Болгары? Могли быть и русичи Вещего Олега, подступавшие к византийской столице в начале X века в союзе с болгарами. Но праздник Покрова Пресвятой Богородицы появился не в Греции, а на Руси. Ввел его святой благоверный князь Андрей Боголюбский. Очень необычный князь. Его роль в нашей истории, как государственной, так и церковной, до сих пор должным образом не оценена.

Он был правой рукой отца, Юрия Долгорукого, главным его помощником и в мирном строительстве, и в войнах, в борьбе за престол великого князя Киевского. Андрей Юрьевич первым осознал, насколько прогнул и разложился Киев. Город избаловался в роскоши, погряз в корыстолюбии, интригах, предательстве, клятвопреступлениях. Неоднократно советовал отцу отказаться от стольного града. И даже когда Долгорукий сел на трон, Андрей настаивал, что надо бросить Киев, вернуться в свои владения, Суздальскую землю. Обустроить ее, развивать хозяйство. Но Долгорукий не смог этого понять. С одной стороны, величественный, пышный, богатейший Киев! Признанная столица, положение великого князя, которое он занял по закону, по полному праву. С другой – глухая окраина державы. Ее даже Русской землей в то время не называли, именовали Залесской. Где-то далеко,

за лесами. Андрей переживал, мучился. Предвидел, что добром дело не кончится. Толчком к дальнейшему послужило чудо. В Вышгороде, в монастыре, была чудотворная икона Божией Матери, по преданию, написанная святым Евангелистом Лукой, и она вдруг стала «выходить» из киота. Князь рассудил, что это знак. Сама Пресвятая Богородица хочет уехать. Взял икону, позвал всех желающих и в конце 1155 года двинулся в путь. Отец удивился, рассердился, слал приказы вернуться. Но Андрей не подчинился. По дороге, в городах и селах, совершенно разоренных бесконечными междоусобицами, люди узнавали, куда идет обоз, и многие присоединялись. Отправлялись в бескрайние леса и болота – там был мир, порядок, безопасность.

Князь принимал всех, и колонна умножалась, вытягивалась все длиннее. Сквозь снега, сквозь метели ехали воины, шагали крестьяне, ремесленники, монахи, священники, везли на санях свои нехитрые пожитки. Это был Исход Руси – в новую Землю Обетованную. А вела за собой людей Богородица – и ее верный слуга князь Андрей, которому выпала великая миссия русского Моисея. Икону везли во главе обоза, и участник событий, священник Кузьма, зафиксировал многочисленные чудеса – она помогала в походе, спасала погибающих. Икону вскоре стали называть Владимирской, потому что Сама Мать Божия явилась князю и повелела поместить Ее образ во Владимире.

А предчувствия Андрея оправдались. В 1157 году Долго-

рукий был отравлен киевскими боярами. Но его сын и помощник опять поступил совершенно необычно для своей эпохи. Не стал воевать, мстить за отца. Вместо этого впервые созвал подобие Земского Собора, представителей от разных городов, и решением всей своей земли принял титул великого князя. До сих пор его носил только один государь – Киевский. Отныне рождалась новая Русь, Владимиро-Суздальская.

Благоверный Андрей стал ее устроителем. Он созывал из всех краев «мизинных» – «маленьких», простых людей. На глазах разрастался Владимир. Превращался в город, не уступающий Киеву. Возводились новые стены, ворота, монастыри, знаменитый Успенский собор. На том месте, где князю явилась Приснодева Мария, он построил личную резиденцию, Боголюбово. В глубинах Руси он первым начал устанавливать центры местной администрации – погосты. До него постоянных структур управления в здешних краях еще не было. Все князья, в том числе и его отец, считали свое пребывание на окраинах временным. Ждали возможности перебраться в более «цивилизованные» места, на Днепр. А Пресвятая Богородица по-прежнему покровительствовала и помогала Андрею. В результате произошло великое и очевидное чудо. Всего за 5–7 лет Залесская земля, считавшаяся глухой и захудалой, превратилась в могучую, богатую и процветающую державу. Возвысилась над Киевской Русью, скатившейся в дразги и смуты.

И сидел там князь Андрей. Правил он по-новому: сделал своей опорой не бояр, не знать, а тех же «мизинных», простой народ. Из них он сформировал и новую армию, полки «пешцев» (городской пехоты), конные дружины «милостников» – князь сам выбирал по способностям. Его войско выдержало экзамен 1 августа 1164 года. Разгромило в жесточайшей битве царя Волжской Булгарии. В ознаменование этой победы Андрей учредил праздник Всемилоственного Спаса и Пресвятой Богородицы. Тот самый праздник, который мы с вами отмечаем и сейчас, – Медовый Спас.

Между прочим, с точки зрения Константинопольской патриархии, это было непозволительной дерзостью. Какой-то князь «варварской» Владимирской земли сам устанавливает церковный праздник. Но греческие ученые клирики и Андрей по-разному воспринимали веру. Патриархия цеплялась за букву канонических правил. А Боголюбский лично соприкасался с Небесным миром. Он был и очевидцем, и участником чудес Божией Матери, сам видел и слышал Ее, чувствовал живую Благодать. Поэтому считал себя вправе дерзать – и дерзал. Примерно в это же время он учредил еще один праздник – Покрова Пресвятой Богородицы. Неподалеку от своего Боголюбовского замка, на Нерли, он в 1165 году построил первый храм Покрова, дивный и неповторимый. Вероятно, при соавторстве великого князя Андрея были составлены памятники духовной литературы, дошедшие до нас, – первая Служба на Покров Пресвятой Богородицы,

«Слово похвально на Святый Покров».

Впоследствии, задним числом, греческая церковь стала утверждать, что оба праздника, Всемилоственного Спаса и Покрова, пришли на Русь из Константинополя. Но никаких подтверждений этому в современных источниках нет. Так, о византийском происхождении праздника Покрова Пахомий Логофет написал только в XV веке (без всяких ссылок и доказательств). А древних греческих икон Покрова не существует вообще. На Балканах до сих пор обнаружена лишь одна, в сербском монастыре Грачаница, но она датируется эпохой Ивана Грозного – когда к южным славянам стало проникать русское влияние. Зато на Руси Покровские храмы и монастыри широко распространились как раз с XII–XIII веков, и иконы соответствующие появились.

Здесь стоит отметить, что на отношения между Константинополем и Андреем Боголюбским наложились важные факторы, которые в истории почему-то оказались затертыми. Дело в том, что византийский император Мануил I Комнин и патриарх Константинопольский Лука Хризверг изменили Православию, навели мосты с римским папой Александром III и соглашались подчинить ему патриархию – ради политической поддержки. А русскую церковь, способную оказать сопротивление, Византия решила держать под полным контролем. Император помог занять киевский престол своему ставленнику Мстиславу Волынскому. Из патриархии прислали в Киев митрополита Константина II, он принял

под разными предлогами смещать русских епископов и священников, заменять греками. В нашей стране, в отличие от Византии, было принято смягчать посты по средам и пятницам, если они совпадали с большими праздниками. Эту мелочь объявили «ересью», за такой «грех» митрополит отлучил от церкви Киево-Печерский монастырь и его настоятеля, преподобного Поликарпа.

А к Боголюбскому направили епископом грека Леона, шпиона, начавшего плести заговоры. Князь выгнал его, просил поставить епископом своего помощника в духовных делах священника Феодора. Через некоторое время от Андрея под угрозой отлучения потребовали принять Леона, а Феодора прислать на суд к митрополиту. Священника обвинили в «ереси», «самозванстве», даже «хуле на Пресвятую Богородицу». Вполне вероятно, что среди обвинений было и введение новых праздников. Феодора предали мучительной казни.

С подвижниками расправлялись и отлучали их, а в это же время, в начале 1169 года, в Киев прибыла делегация из Ватикана. Великий киевский князь Мстислав и митрополит Константин пышно встретили ее, повели переговоры о союзе с папой. Очевидно, и об унии тоже. Однако заключить альянс им не позволили – вдруг посыпались известия, что на Киев идет войско Боголюбского. Даже на убийство отца он не отреагировал войной, а поругания веры не стерпел. Именно тогда, 8 марта 1169 года, Киев впервые был взят штур-

мом, отдан на трехдневное разграбление. Впрочем, не весь. Печерский монастырь и дома некоторых граждан владимирские воеводы взяли под охрану. Зато митрополичьи соборы – Софийский и Десятинный – считали оскверненными. Из них забрали все святыни, иконы, утварь, книги. Кстати, даже киевский летописец признавал, что старая столица была наказана справедливо, за грехи ее правителей, жителей и «митрополичью неправду».

Ну а праздник Покрова стал одним из самых любимых на Руси. Ведь и впрямь время было тяжелое, полное опасностей. Заступничество и покровительство Божией Матери требовалось людям ох как часто. Этот праздник соединился и со славянскими дохристианскими обычаями первой встречи зимы. Как раз осенью, к октябрю, завершался цикл полевых работ, урожай убран, закрома полны. Поэтому Покров получался самым лучшим временем для сватовства и свадеб. Девушки, ставя свечку на праздничной службе, нашептывали «самодеятельную» молитву – возможно, переродившуюся из какого-то древнего заговора: «Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком».

День Покрова Пресвятой Богородицы приобрел новое содержание в 1552 году, когда на этот праздник царь Иван Грозный взял Казань. Москву украсил великолепный Покровский собор (храм Василия Блаженного). А первыми в Казань ворвались казаки, и Покров стал особым праздником казачества. В данном качестве он еще раз утвердился в 1641

году, во время Азовского сидения. В ночь на Покров, помолвившись Пречистой, уцелевшие и измученные в осаде казаки пошли на прорыв. Кому-то из них было видение – как Мать Божия благословляет их, идет впереди. И землю покрыл густой туман, замаскировав их отчаянную атаку. А осаждавшая турецкая армия неожиданно бежала прочь, и воодушевленные казаки бросились в погоню, громя неприятеля.

Да, Покров Пресвятой Богородицы и сейчас очень почитается в России. И храмы в его честь освящаются, и иконы пишутся. И казаки свои круги проводят, и девушки о женихах молят, и свадьбы играют. Но вот только до сих пор нет ответа на один вопрос: по какой же причине святой благоверный князь Андрей Боголюбский установил этот праздник? Летописи в данном отношении хранят молчание.

Исследователи строят предположения, что праздник был учрежден одновременно с Медовым Спасом после победы над булгарами – в благодарность Божией Матери за покровительство в сражении. Хотя можно выдвинуть и другую гипотезу, на которую почему-то никто еще не обратил внимания. Дата праздника, 14 (1) октября, приурочена к чествованию константинопольского юродивого, святого раба-славянина Андрея – 15 (2) октября. Но мы не знаем, когда родился и был крещен Андрей Боголюбский. Вовсе не исключено, что блаженный Андрей был небесным покровителем великого князя. Защитника веры православной и устроителя новой державы – нашей Руси-России. Эту державу Андрей

Боголюбский и передал под покровительство Пресвятой Богородицы.

**Великое восхождение.
Святой благоверный
князь Александр Невский
*Валерий Шамбаров***

Александр Ярославич Невский. Портрет из Царского титулярника 1672 года, Государственный исторический музей, Москва

Когда говорят о св. Александре Невском (день памяти – 12 сентября), вспоминают, как правило, ратные свершения, победы над шведами на Неве или над крестоносцами на Чудском озере. Хотя это лишь один преодоленный им рубеж на многотрудной, чрезвычайно опасной стезе служения стране, народу, Богу. К такому служению он готовил себя с детства. Много времени проводил в храме. Подолгу застывал над книгой – Псалтирью или Евангелием. Замирал, глядя в окно и не замечая суеты окружающих. Мечтал отправиться в паломничество на Святую землю. Его считали человеком не от мира сего, а родитель в свое время опасался, что княжич пострижется в монахи.

Победы благоверного князя были достигнуты не только его воинским искусством, но и упованием на Господа – когда он, к примеру, с малой дружиной и горсткой добровольцев ринулся на большую шведскую армию. Крупный военный и политический успех обеспечило ему христианское прощение новгородцев, предавших и изгнавших своего князя. Решающую роль в истории сыграло сплочение всех русских сил, когда против крестоносцев Александр Ярославич собрал в Новгороде владимирские, суздальские, переславские

дружины, отряды из Мурома, Смоленска, Полоцка, освобожденных псковичей.

О князе растекалась молва по разным странам. Даже его имя наводило ужас на врагов. Литовские племена, повадившиеся грабить Русь, обращались в бегство, заслышав о его приближении. Громкая слава не возгордила Александра. Наоборот, помогала ему в дальнейшем духовном восхождении.

Русь была опустошена татаро-монгольским нашествием. Возникла чуждая ей колоссальная империя от Тихого океана до Дуная. В поволжских и причерноморских степях хан Батый образовал собственный удел, Золотую Орду. Русским пришлось покориться, платить дань. Отец Александра, Ярослав Всеволодович, поехал на поклон в далекую монгольскую столицу, Каракорум, и вскоре погиб, оклеветанный и отравленный. Среди князей начались склоки. Вот тут-то и пригодился высочайший авторитет, приобретенный св. Александром Невским на полях брани. Ему был уготован второй – после великого ратного – подвиг: уберечь Северную Русь от распада и хаоса, куда уже катилась Южная. Бескорыстно и безропотно уступил он великое княжение старшему в роду, ничем доселе не проявившему себя дяде Святославу, отдал собственные владения, которые тот потребовал. Батый не интересовал мелочный и жадный Святослав. Он вызвал к себе Александра.

Третий его подвиг был, наверное, самым трудным, ибо связан с глубочайшим духовным смирением. («Всякая душа

да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». – Рим.13:1). Князь встал на колени перед ханом. Поклонился до земли – Батыю, но не идолам и прочим языческим «святыням», невзирая на угрозы жрецов и шаманов. Объяснил: «Царь, я поклоняюсь тебе, потому что Бог почтил тебя царством, но твари не стану поклоняться» – это противно христианской вере. После беседы Батый еще больше зауважал Невского, пришел к выводу: «Правду мне говорили, что нет князя, равного ему».

Четвертый (по счету, а не по значению) подвиг св. Александра – сбережение православной веры. Бедствиями нашей страны премного интересовался римский папа. Иннокентий IV засылал высокопоставленных эмиссаров, манил князей заключить союз, обещал избавить их от ордынской неволи. Ценой освобождения от материального рабства должно было стать рабство духовное, православную церковь папа хотел подчинить Риму.

На Руси на тот момент было два политических столпа, два выдающихся военачальника и правителя – св. Александр Невский и Даниил Галицкий. Первый отчетливо видел истинную подоплеку римской дипломатии: стремление стравить Русь с Ордой, отвлечь татар от походов в Европу. Ответил Риму без ненависти, с юмором: «От Адама до потопа, от потопа до разделения языков, от разделения языков до начала Авраама, от Авраама до прохождения Израиля сквозь

Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти царя Давида, от начала царства Соломона до Августа царя, от начала Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царства Константинова, от начала царства Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого все хорошо ведаем, а от вас учения не принимаем».

Даниил Галицкий, напротив, заключил союз, признал папу «своим отцом» и за это получил от него корону и титул «короля Руси». В результате глава католиков объявил крестовый поход против татар и... русских. Тот начался в 1253 году при участии весьма характерной коалиции. На одном фланге ливонские крестоносцы пытались захватить Псков. На другом – Даниил Галицкий с литовцами с воодушевлением «освобождали» Киев. Однако «союзники» тем временем принялись разорять его, Даниила, собственные города. В целом же история однозначно показала, кто из князей прав.

Юго-Западная Русь превратилась в сплошной театр боевых действий, куда приходили то татарские, то литовские, польские, венгерские рати. Некогда процветавший край пришел в полный упадок, и западные соседи поделили его между собой. А после согласия Даниила передаться под эгиду латинян на северо-восток уехал митрополит всея Руси святой Кирилл. Вслед за ним переместился и духовный центр нашей страны, обозначив сердце будущей России. То была

награда за выбор, сделанный св. Александром Невским.

Пятым подвигом, очередной ступенью его восхождения, стало достижение национальной терпимости, готовности уважать чужие традиции – без отказа от родных, исконных. Князь сумел наладить относительно приемлемые отношения с Батыем, надолго избавив свои владения от бесчинств баскаков и карательных экспедиций. С наследником хана Сартаком подружился и даже побратался по монгольскому обычаю. Известно, что Сартак был христианином. Некоторые исследователи полагают, что он принял крещение под влиянием названного брата.

В 1256-м Батый умер, и в Орде произошел переворот. Организовала его группировка хорезмийских купцов, угнездившаяся в Сарае. Сартака и его сына Улагчи убили, возвели на престол своего ставленника Берке, принявшего ислам. Увеличилась дань, налагавшаяся на русские земли, для этого проводились переписи населения.

С в. Александр понимал: жизни людей дороже серебра – сопротивление вызовет новое нашествие, а противостоять Русь еще не в состоянии. Он принуждал подданных смириться, повиноваться, обеспечивая им «тишину». Мало того, смог через хана совершить важный духовный и политический шаг. Южный Переяслав пришел в запустение, и великий князь со святителем Кириллом в 1261 году добились у Берке разрешения перенести Переяславскую епархию в Сарай, и та отныне стала Сарско-Подонской. Это был шестой

подвиг, указывающий на прозорливость подвижника. Духовные нити связали степные области с Северной Русью, обеспечили грядущие успехи нашей державы, когда на службу к ней потянется православное казачество.

Однако победившая купеческая группировка в Сараях строилась на выжимание максимальных прибылей. Берке подтолкнули к набегам на Закавказье. Давали ему деньги на строительство новой столицы, Сарая-Берке. А для расплаты с кредиторами рекомендовали отдать сбор дани на откуп. В русские города понаехали откупщики с военными отрядами, откровенно грабили народ. Это вызвало бунты в Ярославле, Владимире, Суздале, Ростове, Костроме, Устюге. Разгневанный хан требовал покарать мятежников. К тому же приказал выделить русское войско для похода в Закавказье. Александр не стал откупаться головами восставших, не послал воинов погибать за чужие интересы. Вместо этого отправил свою армию сражаться с настоящими врагами, крестоносцами. Сам же поехал в Сарай. Один. Совершил седьмой подвиг – самопожертвование. В Орде участь ослушника могла быть только одна – смерть.

Произошло чудо. Он сумел доказать, что в мятежах виноваты сами откупщики, разорявшие подданных хана. Убедил, что дань лучше собирать через русских князей. А войска посылать в Закавказье нельзя, чтобы не оголить западные границы. И все-таки Берке догадался: св. Александр ведет собственную линию. Не казнил «хитреца», но и не доверял ему

впредь. Долго не отпускал от себя, почти год держал в своей ставке. Осенью 1263-го князь тяжело заболел (предполагают, что его отравили), и лишь тогда ему позволили отбыть домой. По дороге больному стало хуже, в волжском Городце он совсем слег – и на закате короткой, 43-летней жизни исполнил юношескую мечту. Принял постриг.

Таким образом совершил следующий подвиг, уйдя к Господу смиренным схимонахом Алексием. Во Владимире в это время митрополит Кирилл совершал службу в Успенском соборе, молился о здравии великого князя. И вдруг был поражен видением. Перед ним стоял сам Александр. Тихий, светлый. Посмотрел на святителя и стал удаляться ввысь, растаял. Потрясенный митрополит понял, что это означает. Выйдя к людям со слезами, сказал: «Зашло солнце земли Русской!» Никто не понял этих слов, и Кирилл пояснил сквозь рыдания: «Чада мои милые, знайте, что ныне блаженный князь великий Александр преставился!» Ответом ему был единодушный вопль: «Погибаем!...»

Но солнце не зашло окончательно. Александр Ярославич продолжал опекать родную страну – уже в качестве небесного покровителя. Младший сын святого, Даниил (тоже впоследствии ставший святым), получил в наследство крошечное Московское княжество – драгоценное зерно, из которого начала вырастать великая Российская держава.

С в. Александр Невский прославился многочисленными чудесами, исцелениями, приходил на помощь потомкам в

трудных обстоятельствах. В 1380 году его мощи были найдены нетленными и перенесены в новую раку. Официальная канонизация князя осуществилась в 1547-м, при Иване Грозном. А в 1552-м, выступив в поход на Казань, царь молился возле мощей, и было явлено чудо, предвестившее победу. В 1571-м, во время нашествия крымских татар на Москву, во Владимире монахи видели: от раки будто поднялась и взмыла к небу фигура князя. Крымский хан в тот же день получил ложные известия о приближении неведомых ратей и приказал своим полчищам отступить. О видении св. Александра Невского говорили и после победоносной битвы при Молодях в 1572 году. Под его покровительством находился Петр I, родившийся в один день со св. Александром. Самодержец молился ему в ходе Северной войны. Строя Санкт-Петербург, укреплял город не только бастионами и батареями. На том месте, где великий предшественник громил все того же противника, шведов, царь повелел основать духовный центр новой столицы – Александро-Невский монастырь.

В 1724-м сюда были торжественно перенесены мощи святого благоверного князя, город как бы передавался под его защиту. (С в. Александр стал небесным покровителем непобедимого, также отличавшегося строгим благочестием блистательного тезки – Суворова. Прах последнего упокоился здесь же, в Александро-Невской лавре.) С того времени ни один внешний враг не сумел взять этот город, отторгнуть у

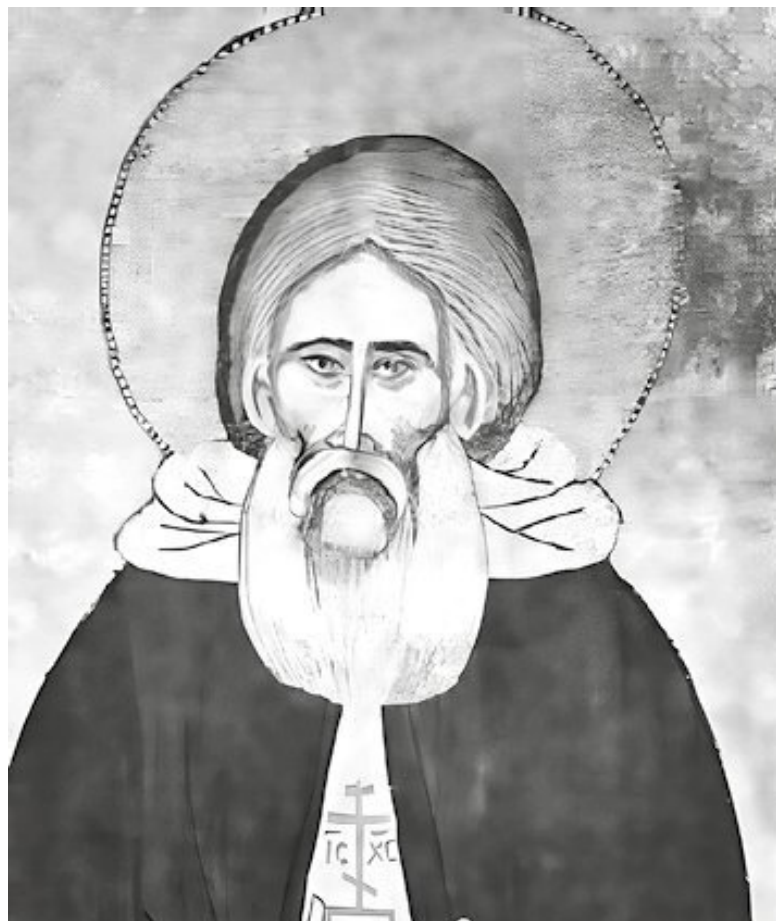
России выход к Балтике.

Помощь святого проявлялась и в других местах. После освобождения Болгарии от турецкого ига в честь Александра Невского был построен главный собор в Софии – ведь и царь-освободитель носил это славное имя. А в 1941 году в битве за Москву Западный и Юго-Западный фронты нанесли 6 декабря, в день памяти св. Александра Невского, главный контрудар. И сокрушили страшного врага, отбросили от столицы.

Чтили, глубоко уважали великого князя и в советские времена. О нем снимали фильмы, писали романы, поэмы, научные труды. Ему посвящали живописные полотна, возводили памятники в разных городах. Его именем называли улицы и площади. Орден Александра Невского – единственная государственная награда, существовавшая (с некоторыми изменениями) и в царской, и в советской, и в демократической России. И, конечно же, в его честь по всей стране возводились и возводятся многочисленные храмы.

Народ сохранил к св. Александру такую же глубокую и теплую любовь, какой тот пользовался при жизни. Потому что и сам он некогда смог искренне, по-настоящему возлюбить ближних, заслужив тем самым право помогать им уже за порогом своего земного бытия.

Дары преподобного Сергия
Сергей Перевезенцев

Изображение святого Сергия Радонежского на покрове, 1420-е годы

Точная дата рождения одного из самых почитаемых русских святых неизвестна. Ученые, исследовавшие его жития и другие более или менее аутентичные источники, связанные с земной жизнью Преподобного, искали эту дату в историческом отрезке от 1313-го до 1322 года. При этом большинство сходилось во мнении: родился святой в начале мая.

Русская православная церковь определила условный день появления на свет величайшего подвижника земли Русской – 3 мая 1314 года. И уже с начала 2014-го в стране проходят общенациональные торжества, посвященные 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского

Ничего нет, если Правды нет

В 1328 году, чтобы не допустить волнений, многих жителей Ростова выселили из города в московские земли. Так, волей великого князя Ивана Калиты, в подмосковном местечке Радонеж оказался ростовский боярин Кирилл с женой Марией и сыновьями – Стефаном, Варфоломеем и Петром. Через девять лет Варфоломей уйдет из дома, примет монашество и станет основателем Троицкого монастыря. А затем

прославится как величайший русский подвижник преподобный Сергей Радонежский (1314–1392), который во все последующие века считался небесным покровителем всех московских государей и главным небесным молитвенником за Русское государство и русский православный народ. Вот такие парадоксы дарит нам иногда история...

На протяжении вот уже почти семисот лет преподобный Сергей – самый почитаемый святой всего православного Русского мира. Чем полюбился он русскому сердцу? Почему еще при жизни святого подвижника люди стали тянуться к нему за советом и благословением?

«Ничего нет, если Правды нет...» – написал когда-то один из средневековых русских книжников. Правда, как ее понимали наши пращуры, – это то, что мы называем сегодня «социальной справедливостью». Троицкий монастырь в те тяжелые времена стал символом такой Правды, русской Правды...

Житие преподобного Сергея рисует нам образ очень скромного, терпеливого и неприхотливого в бытовом отношении человека: «...Одежда новая никогда не прикрывала тело его, ни сукно немецкое нарядное, разукрашенное... Но только из сукна простого, то есть из сермяги... одежду носил, ветхую, не раз перешитую, и неотстиранную, и грязную, и многим потом пропитанную, а иногда даже и с заплатами». Основой жизни старец считал труд, ибо только собственным трудом, по его убеждению, человек имеет право добывать

себе пропитание. Житие Преподобного предлагает нам множество рассказов о его трудах. Вот один из таких рассказов. В голодный год Сергей пришел к некоему монаху Даниилу и предложил соорудить сени перед его кельей, а в качестве платы за труды попросил гнилого хлеба. Даниил тут же вынес Сергию целое решето хлеба и был готов отдать его даром, но Преподобный ответил: «Прибереги хлеб до девяти часов, потому что я прежде, чем руки мои не потрудились, и до работы, платы не беру».

По таким же правилам жила и вся Троицкая обитель, особенно после того, как приняла общежительный устав. В его основе лежали несколько главных принципов – равенство всей братии (включая игумена), запрет на частную собственность, совместный стол и молитва, послушание и четкое распределение обязанностей, наконец, ежедневный неустанный труд. Троицкий монастырь стал первой в Московской Руси общежительной обителью, а Сергей Радонежский был поставлен в его первые игумены.

Затем по примеру Троицы самим Сергием и его учениками общежительные монастыри основываются по всей Руси. И везде становятся центрами притяжения для местного люда. Почему? Прежде всего потому, что иноки в этих обителях жили так же, как и окрестные крестьяне, а правила монастырского бытия оказались схожи с принципами жизни сельской общины. И крестьяне увидели в монахах сами себя – таких же тружеников, живущих столь же скудно и скромно.

И узнали в этом столь чаемую русским сердцем Правду...

Чистота души

Но Правда общежительных монастырей состояла не только в том, что иноки жили, как соседние с ними крестьяне, а прежде всего в том, что они хранили «чистоту души», т. е. нравственную чистоту. Иноческое трудолюбие, скромность и воздержание не были вынужденными, не были вызваны, как у большинства современников, лишь жестокими условиями окружающей жизни, но стали результатом свободного выбора каждого из монашествующих. И первым среди насельников московских общежительных обителей такой выбор сделал преподобный Сергий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.